

П.И. Мельников-Печерский

На горах

Книга 2. Часть 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П11

П.И. Мельников-Печерский
П11 На горах: Книга 2. Часть 4 / П.И. Мельников-Печерский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 124 с.

ISBN 978-5-4241-1738-1

Этнограф-беллетрист Павел Иванович Мельников-Печерский, более известный как Андрей Печерский, принадлежит к плеяде выдающихся русских литераторов середины XIX века. Оригинальная творческая индивидуальность, острая наблюдательность, знание народного быта и фольклора, прекрасное владение народной речью выдвинули его в ряд значительных писателей в то время, когда в литературе блистали такие корифеи критического реализма, как А. Толстой, Н. Некрасов, М. Салтыков-Щедрин, Ф. Достоевский, И. Тургенев, А. Островский, И. Гончаров. Благодаря совершенно особому таланту, своеобразному мировосприятию он сумел отобразить в своих произведениях то, что ускользнуло от взглядов этих и многих других художников слова.

Творчество писателя настолько ярко и самобытно, что и сегодня волнует, заставляет задуматься, открывает читателю неведомые грани русской жизни позапрошлого века, показывает своеобразие характеров наших соотечественников.

ISBN 978-5-4241-1738-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© П.И. Мельников-Печерский, 2021

Мельников-Печерский Павел
Иванович
На горах (Книга 2, часть 4)

МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ, Павел Иванович

(1818-1883)

"На горах"

(1875-1881)

Все примечания, данные в скобках, принадлежат автору.

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не прежде как отъехавши версты полторы от Луповиц, отец Прохор стал разговаривать с Дуней. Обливаясь слезами, рассказала она все, что случилось с нею минувшей ночью. Все рассказала, ничего не потаила от спасшего ее от гибели. Молча и внимательно слушал отец Прохор исповедь Дуни. Когда ж она все рассказала, спросил у нее:

- Зачем же вы, Авдотья Марковна, ежели решились оставить ересь и самый дом, где были совращены, зачем, говорю, пошли вы ночью на их сборище и даже в особую комнату для свидания со злейшим еретиком Денисовым? Ведь я вас предупреждал об нем...

Еще слава богу, что так обошлось, а то ведь непременно сделались бы его жертвой. Немало бывало примеров. Лишились бы и чести и доброго имени, если бы не молитвы за вас святого отца нашего Амвросия епископа Медиоланского. Так я смотрю на дело вашего спасения и глубоко верую, что совершилось оно не иначе, как по ходатайству пред богом сего святителя. Примите же совет мой, примите стариковскую просьбу: ежели бы вы находились в ограде истинной церкви, я бы, при ваших достатках, посоветовал вам устроить хоть придел в честь и славу сохранившего вас от гибели святителя, но как вы принадлежите к тем, что разнятся с нами в обрядах и своих церковей не имеют, так устройте хоть икону святителя Амвросия и всю жизнь свою утром и вечером молитесь перед нею теплою молитвой благодарения. Святитель Амвросий Медиоланский чувствует у ваших, равно как и у нас, - память его совершается в седьмое число декабря, на другой, значит, день зимнего Николая. Последуйте же моему совету, и святой отец не умалит дивных своих к вам милостей. Скажите мне, исполните ли искренний и душевный совет мой?

- Исполню, отец, Прохор, непременно исполню, - с горячим порывом ответила Дуня.

- А ежели по молитвам отца нашего Амвросия, имеющего дерзновение обращаться с ходатайством к отцу небесному, когда-нибудь, рано ли, поздно ли, войдете вы в ограду святой церкви, на что имею полную надежду, соорудите тогда хоть придел во имя его, а ежели достанет средств, то и новый храм. Не ответила Дуня отцу Прохору.

- А ежели, по божию благословению, вступите в жизнь супружескую, продолжал он, - то первому сыну нареките имя Амвросий. Пускай и на старости ваших лет непрестанно напоминает он вам преславное имя избавившего вас от гибели святителя.

Дуня опять промолчала... Больше версты они проехали молча. Наконец, отец Прохор спросил:

- Скажите мне теперь по чистой совести самую сущую правду, что побудило вас, открыто заявивши фармазонам, что вы душевно и телесно чуждаетесь их,

что побудило вас прийти на сходбище оных богопротивников и даже идти на свиданье с Денисовым?

Дуня рассказала, как Луповицкие ее уговорили и как она до последней минуты не предвидела со стороны Денисова ни обмана, ни злого умысла.

- Злодеи, злодеи! - вскрикнул отец Прохор.- Доколе терпит их господь! И, немного погодя, сказал:

- Я отведу вас в губернию (Губернский город.). Там будет вам безопасно еретики там ничего не посмеют сделать. Привезу я вас в хороший купеческий дом. Семейство Сивковых есть, люди благочестивые и сердобольные, с радостью приютят вас у себя. Только уж вы, пожалуйста, ни про наших господ, ни про Денисова, ни про их богохульную веру ничего им не рассказывайте. Ежели донесется об этом до Луповиц, пострадать могу. Так уж вы, пожалуйста, богом прошу вас, Авдотья Марковна.

- Будьте уверены, слова никому не вымолвлю,-- отвечала Дуня.- И разве можно говорить мне, ежели это повредит вам. Ведь вы мой избавитель, я ведь без вас непременно бы пропала. А как бы после того показалась я на глаза тятеньке?

- Так уж, пожалуйста. Я вполне надеюсь,- сказал отец Прохор.- А у Сивковых как будет вам угодно - к батюшке ли напишите, чтобы кто-нибудь приезжал за вами, или одни поезжайте. Сивковы дадут старушку проводить - сродница ихняя живет у них в доме, добрая, угодливая, Акулиной Егоровной зовут. Дорожное дело знакомо ей - всю, почитай, Россию не раз изъездила из конца в конец по богомолям. У Сивковых и к дороге сготовитесь, надо ведь вам белья, платья купить. Деньги-то есть ли у вас на покупку и на дорогу?

- Денег у меня довольно, на все достанет,- отвечала Дуня.

- Ну вот и хорошо, вот и прекрасно,- проговорил отец Прохор.- А если бы паче чаяния нуждались в деньгах, можно бы было у Сивковых достать, он ведь каждый год к Макарью ездит и порядочное число соленой рыбы закупает. Надо полагать, что и родители вашего знает, может статься, и знакомство с ним водит. Он ни в чем не откажет вам... Вот еще о чем спрошу я вас, Авдотья Марковна,- немного подумавши, продолжал отец Прохор.- Не осталось ли у вас в господском доме каких-нибудь писем или записок о ваших сношеньях с хлыстами?

- Нет, ничего не осталось,- ответила Дуня.

- То-то, этого теперь пуще всего надо опасаться,- молвил отец Прохор. Нужно вам сказать,- только до времени об этом пока никому не говорите,- не в долгом, надо полагать, времени господам Луповицким будет разгром: наедет суд, обыски начнут у них в доме делать, пойдет следствие. Сохрани боже, если найдется какой-нибудь клочок бумажки, где помянуто ваше имя. Это может и вас к делу припутать. А дело, по-видимому, разгорится очень важное, и для всех хлыстов Луповицких и других самое неприятное по своим последствиям.

- Нет, отец Прохор, никаких моих бумаг в ихнем доме не осталось,- сказала Дуня.- Но что ж это за следствие? Что такое случилось?

- Всего подробно теперь объяснить вам не могу,- отвечал отец, Прохор.- Сам многого не знаю. На третий день после Успеньева дня я ездил в губернию, в консистории по одному делу был. Там один верный человек, хорошо знающий дела, сказывал мне, что новый владыка крепко принялся за хлыстов. Из Петербурга, слышь, из самого святейшего синода получил он указ насчет господ Лу-

повицких и о том, что скоро к ним должен приехать самый злейший еретик Денисов...

Как он приедет, так их и накроют. А дело о хлыстах началось в Москве, и по взятым у них бумагам открылось, где, в каких, значит, местах теперь они находятся. И повсюду, слышно, розыски пошли до следствия. Не знаю уж, от кого и каким образом узнал владыка, что я в губернии, и велел прийти к нему. И без малого целый час изволил келейно со мной беседовать насчет луповицкой хлыстовщины. Известное дело, перед архипастырем всю правду надлежит рассказывать. Я и рассказал. Тут владыка благословил меня ехать восвояси и примолвил о наших соседях: "Видно, им того же захотелось, что с отцом их было".

- А что такое было с их отцом? - спросила ничего о старых делах не знавшая Дуня.

- Не слыхали разве? - сказал отец Прохор. - Про это не любят они разговаривать. Отец ведь тоже был в этой самой ереси, а как человек был знатный и богатый, то никто к нему и прикоснуться не смел. Сильная рука у него была в Петербурге, при самом царском дворе находились друзья его и благоприятели. А все-таки не избежал достойной участи - в монастырь сослали, там в безысходном заточенье и жизнь скончал.

- А давно ль это было? - с любопытством спросила Дуня.

- Да уж лет тридцать прошло с той поры, как его под стражей из Луповиц увезли. Я был тогда еще внове, только что удостоился принять рукоположение, отвечал отец Прохор. - Но его хорошо помню - важный такой вид имел, а корабль у него не в пример больше был теперешнего. И в том корабле были все больше из благородных да из нашего брата, из духовенства... А вот мы и приехали, прибавил отец Прохор, указывая на огоньки и на белевшие в полумраке здания губернского города.

Отец Прохор подъехал к большому каменному дому купца Сивкова. Радушно встретили его и хозяин, только что воротившийся от Макарья, и жена его, и две снохи, и дальняя сродница Акулина Егоровна, та самая, что разбежала, а иной раз и пешком ходила по богомолям. Отец Прохор рассказал хозяину придуманный дорогой вымысел насчет Дуни.

- Не знаете ли, Поликарп Андреевич, Марка Данилыча Смолокурова, рыбой у Макарья торгует? - спросил он Сивкова.

- Как не знать Марка Данилыча! - отвечал Сивков. - На Гребновской он первый воротила. Довольно знаем Марка Данилыча, не раз товар бирали у него, кредитовались, значит.

- Вот это его дочка, - сказал отец Прохор, взявши Дуню за руку.

Хозяйка, обе снохи и Акулина Егоровна стали обнимать и целовать Дуню. Как ни удерживалась Дуня, а от этих искренних ласк незнакомых людей слезы вдруг в три ручья покатались у нее из глаз, а подступавшие рыдания совсем было задушили ее.

- Что с вами? Что с вами? - услуживая Дуне, говорили жена и снохи Сивкова, а старушка Акулина Егоровна со всех ног бросилась за холодной водой и с молитвой напоила Дуню. Той стало немного полегче.

Между тем отец Прохор рассказывал, что Авдотья Марковна с одной пожилой купчихой из ихнего города собралась съездить в Киев на богомолье и далеко еще туда не доехала, как с ней случилось несчастье. Верстах в двадцати пяти от Лу-

повиц остановились богомольцы ночевать на постоялом дворе у крестьянина. И в то время как все уж заснуло, на том дворе загорелось. Авдотья Марковна с вечера не раздевалась и в одном платье выбежала из пылавшего дома, а схавшая с нею купчиха и еще семь ли, восемь ли богомолок сгорели. Все имущество, и кибитка, и ямские лошади - все погорело.

- А я тогда случился в соседнем селе,- прибавил отец Прохор,- дельцо там было одно у меня. Вот и взял я на свое попеченье бесприютную девицу.

- Ах, господи! Ах, горе-то какое! Всякого избави и сохрани господи от такой беды! - воскликнули женщины, осыпая ласками Дуню.

- Это в Перигорове пожар-от был? - спросят Поликарп Андреич.

- Так точно,- отвечал отец Прохор.- А я на ту пору был в селе Слизневе, и версты не будет от Перигорова-то, побежал на пожар, да и нашел Авдотью Марковну.

- И до нас об этом пожаре вести дошли, и про то еще рассказывают, что сколько-то богомольцев тут сгорело,- сказал Сивков.

А дня за три в самом деле был пожар в Перигорове, и несколько человек, бог их знает откуда приехавших, сгорело на постоялом дворе. Отец Прохор этим случаем воспользовался для своего рассказа.

- Как взял я Авдотью Марковну, так и порешил, не заезжая домой, к вам ехать,- продолжал отец Прохор.- На вас рассчитывал, зная, что не покинете бедняжку в трудном ее положении. Опять же и то, что здесь можно ей будет во всем исправиться: белья купить, платья и всего другого, что понадобится. Деньги есть у Авдотьи Марковны, а вот шубейку и платок и черевки у слизневской матушки попадай на время для нее я взял, было бы в чем до вас доехать. Уж вы сделайте милость, Поликарп Андреич, примите в ней участие. Родитель ее будет вам очень благодарен за неоставление единственной дочери.

- Об этом, отец Прохор, нечего и толковать,- сказал Поликарп Андреич. Опричь того, что Марку Данилычу я всегда и во всякое время со всякой моей радостью готов услужить, насколько сил и уменья станет, мы бы и по человечеству должны были принять участие в таком несчастье Авдотьи Марковны. Не соскучилась бы только у нас,- прибавил он, обращаясь к Дуне.

- Помилуйте, Поликарп Андреич. Да я к вам точно в рай попала после того, что было со мной,- со слезами благодарности ответила Дуня.

- Полноте, полноте, вы опять за слезы! - вскрикнул Сивков.- По-моему, вам бы теперь отдохнуть, успокоиться. Семеновна,- прибавил он, обращаясь к жене, и вы, сношеньки, подите-ка, мои матушки, успокойте Авдотью Марковну. А завтра поезжайте с ней за покупками. А ежели у вас, Авдотья Марковна, в деньгах может быть недостача, так вы об этом не извольте беспокоиться - чем могу служить, все для вас и для Марка Данилыча сделаю.

Поликарп Андреич вдвоем остался с отцом Прохором. Долго рассуждали они, как быть с Дуней. Наконец, решили так: только что исправит она свои покупки, отправить ее к отцу с Акулиной Егоровной, а меж тем послать письмо к Марку Данилычу и отписать, где теперь она находится и в какой день намерена в дорогу выехать.

На другой день отец Прохор простился и с Сивковыми и с Дуней. Ее прощанье было самое душевное. Обливаясь слезами, до земли она преклонилась пред своим избавителем, но благословения не приняла - все-таки ведь он никонианин.

На прощанье дала она отцу Прохору сторублевую. Сначала тот не хотел было брать, однако взял. Дуня обещала писать к нему, никогда не забывать его благодеяний и помогать ему в трудной жизни его.

На другой день стали покупать необходимое для Дуни. Она была окружена самым теплым участием и бесконечными ласками Сивковых. А Поликарп Андреич, зная теперь, что она единственная дочь у Смолокурова, говорил наедине своей Семеновне:

- Вот поторопились мы с тобой Василья-то женить! Вот бы невеста ему. При теперешних обстоятельствах дело-то, может быть, сладилось бы. Поторопились, поторопились. Миллионщица ведь.

- Уж чего ты, батька, не насажешь,- недовольным голосом ответила жена. Значит, не было на то воли божией. Да кто еще узнал - пошла ли б она за нашего Васильюшку.

- А отчего ж бы и не пойти? - возразил Поликарп Андреич.- Чем парень не вышел? Взял и ростом, и дородством, не обидел его господь и красотой и разумом. Отборный жених. А главное то возьми в расчет, что ведь миллионщица! После отца одной ей все достанется.

- Перестань, батька, пустяки городить. Взбредет же такая чепуха в голову, сказала Семеновна и ушла от мужа в другую комнату.

Покупки были готовы, и Дуня собиралась в дорогу с Акулиной Егоровной. Поликарп Андреич подрядил извозчика на долгих довезти их до того городка, где жил Марко Данилыч. Решено было ехать на другой же день, а между тем и Сивков и Дуня письма к Марку Данилычу написали, ни одним словом, однако, не помня о пожаре в Перигорове. Дуня уведомяла отца, что Марья Ивановна едва ли не до зимы пробудет у своих родных и что знакомый ему Поликарп Андреич Сивков, войдя в ее положение, отправляет ее в родительский дом с надежной женщиной, своей сродницей.

* * *

На другой день, после того как отец Прохор воротился домой, Аграфена Петровна к нему приехала. Сказанные им слова, что Дуня "пропала без вести", до того поразили вихоревскую тысячницу, что вся она помертвела и долгое время в себя не могла прийти. Отец Прохор догадался, что она не просто знакомая Смолокуровым, а что-нибудь поближе. Когда пришла в себя Аграфена Петровна и немного поуспокоилась, сказал он:

- Из такой вашей тревоги должен я заключить, что вы не совсем чужая Авдотье Марковне. Может статья, сродницей ей доводиться?

- Не родная я ей, зато самая близкая,- едва слышным, прерывающимся от рыданий голосом отвечала Аграфена Петровна.- Ах, господи!.. Господи!.. Беда за бедой!.. Горе следом за горем бежит!

- Вы сказали, что у Авдотьи Марковны родитель при смерти лежит,- молвил отец Прохор.

- Да, с ним удар,- ответила Аграфена Петровна.- Без движенья лежит, без языка, а как кажется, в памяти, и вдруг еще это горе! И такое ужасное!

- Смиритесь, сударыня, перед перстом господним,- учительным образом сказал ей отец Прохор.-- Создатель лучше нас знает, что нам на пользу и что во спасенье.

- Вы близко ее знали? - спросила Аграфена Петровна.

- Очень близко,- отвечал отец Прохор.- И ежели, бог даст, увидите, лихом она меня не помянет. А могу ли я у вас попросить какого-нибудь видимого знака в доказательство, что близки вы с Авдотьей Марковной? - продолжал после короткого молчания отец Прохор.- Извините, не зная вас лично, вполне довериться не могу...

- Дунину руку знаете? - несколько подумавши, спросила Аграфена Петровна.

- Знаю.

- Вот ее письмо ко мне, сличите. А письмо-то писано было года полтора перед тем. Дуня называла в нем Аграфену Петровну самым дорогим, самым сердечным другом своим и говорила, что, кроме ее, нет у нее никакого близкого.

Кликнул отец Прохор Степанидушку и велел принести Дунино письмо, писанное к попадье из губернского города с благодарностями за привет и ласки. Когда Степанидушка принесла письмо, отец Прохор, внимательно рассмотрев оба, сказал:

- Теперь вижу, что вы близки, и могу много сообщить вам об Авдотье Марковне.

- Где она? Где? Не мучьте, ради бога, меня, скажите скорей! - быстро схватив отца Прохора за руку, с нетерпением воскликнула Аграфена Петровна.

- Не беспокойтесь. Она в месте безопасном, теперь ей не может быть никакой неприятности,- сказал отец Прохор.- Поезжайте в наш губернский город, там у купца Сивкова найдете Авдотью Марковну. Марку Данилычу тот купец знаком. Дела у них есть торговые.

- Так я сейчас же поеду,- сказала Аграфена Петровна.

- Отдохните немножко, выедете под утро,- молвил на то отец Прохор.- Дня три либо четыре Авдотье Марковне надо будет с делами управиться. Ведь она в одном платье из барского дома ушла. Хорошо еще, что деньги-то были при ней.

- Как в одном платье? - с изумлением спросила Аграфена Петровна.- Это как так?

- Ночью она убежала,- сказал отец Прохор.- Грозило ей большое несчастье, беда непоправимая. В окошко выпрыгнула. Не до того было ей, чтоб пожитки собирать... Да я лучше все по порядку расскажу. Неподалеку от того города, где жительствоет родитель Авдотьи Марковны, одна пожилая барышня, генеральская дочь, именье купила. Из семьи здешних господ она - Алымова, Марья Ивановна.

- Знаю я ее, знаю,- торопливо молвила Аграфена Петровна.- С год тому назад сделала она для меня такое благодеяние, что никогда его нельзя забыть. Маленькую дочку мою от верной смерти спасла - из-под каретных колес ребенка выхватила. Не будь Марьи Ивановны, до смерти бы задавили мою девочку... Всегда богу за нее молось и почитаю благодетельницей.

- Вот! Одной рукой людей от телесной смерти спасают, а другой ведут их в вечную смерть, в адскую погибель,- вздохнув и поникнув седой головой, сказал отец Прохор.-Доколе, господи, терпишь ты им?

- Неужели Марья Ивановна? - сказала Аграфена Петровна.- Не могу понять, как это случиться могло.

- А вы там, в своей стороне, не слыхали ль чего про Марью Ивановну?

спросил отец Прохор.

- Бог ее знает,- сказала Аграфена Петровна.- Мало ль какие слухи по народу стали теперь обноситься - всего не переслушаешь. Толкуют, что какой-то особой веры держится она, фармазонской, что ли, какой.

Промолчал отец Прохор. Не пускался он с Аграфеной Петровной в откровенности, боясь, чтобы коим грехом его слова не были перенесены в барский дом. Конечно, Дуня обещалась не оставлять его своей помощью, однако ж лучше держать себя поопасливей - береженого и бог бережет. А дело, что началось насчет хлыстов, еще кто его знает чем кончится.

- Увидитесь, бог даст, с Авдотьей Марковной, пусть она сама расскажет вам про все,- молвил отец Прохор.- А теперь вот что я скажу вам: Марья-то Ивановна, стало быть, знает вас? Знает, стало быть, и то, что вы с Авдотьей Марковной близки?

- Знает, все знает,- сказала Аграфена Петровна.

- Так видите ли - хоть мы и рады гостям во всякое время, а советовал бы я вам и ради Авдотьи Марковны и ради меня, чтобы вы теперь же ночью выехали из Луповиц,- сказал отец Прохор.- Не то увидит вас Марья Ивановна да узнает, что вы у меня остановились, тогда чтобы беды какой не случилось, особливо для меня. А я человек зависимый и хоть уверен, что Авдотьей Марковной оставлен не буду, однако ж надо мной есть начальство. Вздумают здешние господа пожаловаться - рука у них сильная, а я человек маленький, безо всякой защиты. Так вы уж, пожалуйста, не посетуйте, хоть мне и очень совестно, да что ж тут делать?

- Вы хорошо придумали, отец Прохор,- сказала Аграфена Петровна.- Лошадей я наняла в губернском городе, сюда и обратно. Вот немножко покормят их, я тотчас и в путь. Но где ж найду я там Дунюшку?

- В губернском городе, недалеко возле базарной площади, большой каменный дом купца Сивкова стоит, всякий его укажет вам,- отвечал отец Прохор.- Поклонитесь и Авдотье Марковне, и Сивкову Поликарпу Андреичу со всем его благословенным семейством. Люди они хорошие, сердечные - завтра сами увидите.

За полночь уж было, когда на покормленных немножко лошадях поехала из Луповиц Аграфена Петровна. С любовью и радушием проводили ее и отец Прохор, и матушка попадья, и обе поповны, говоря, что очень соболезнуют, не угостивши как бы следовало приехавшую из такой дали гостью. А когда, проводя ее, воротились в дом и отец Прохор вздумал поправить лампадку, что теплилась перед образами, на полочке киотки увидал сторублевую бумажку! Ясно, что ее оставила Аграфена Петровна. Не ворочать же ее с дороги. Отец Прохор с матушкой решили написать промелькнувшей в доме их гостье благодарное письмо - благо знали, как надписывать письма к Смолокурову. В два дня две сотни прибыли отцу Прохору, не считая десятирублевой, данной Андреем Александрычем. А луповицкий поп в целый год за требы с прихожан не получал таких денег. Да, кроме того, и впереди надежда - Авдотья Марковна со своими миллионами не забудет его, поможет при нужном случае.

Хоть ветер стих немного, но непогодь не переставала. Как из сита сыпал мелкий осенний дождик и громко шумел о кожаную крышку дорожной кибитки, где сидела Аграфена Петровна с глухой Степановной, взятой в попутчицы из смолокуровского дома. Наскоро накормленная тройка чуть тащила по глубокой,

по самую ступицу, грязи, больше тащилась шагом, а кругом не видно ни зги. Выхавши из Луповиц и добравшись до соседней деревни, Аграфена Петровна успокоилась, а до того все погони из барского дома боялась. Она думала теперь, что Луповицы место недоброе, а барский дом - вертеп самых злых людей. Отец Прохор не сказал ей, какая опасность угрожала Дуне и от какой беды спасена она, потому Аграфена Петровна и не могла понять, отчего это ее подруга убежала из того дома в одном платье, бросивши пожитки. Чего только не приходило ей в голову, но, не зная тайн фармазонской веры, не могла она представить себе о беде, грозившей Дуне.

Поздно вечером Аграфена Петровна добралась до "губернии". Сыскать дом Сивкова было нетрудно, каждый его знал. Супротив того дома был широкий одноэтажный деревянный постоялый двор; в нем на пути в Луповицы останавливалась на несколько часов вихоревская тысячница, не подозревая, что напротив постоялого двора была тогда Дуня.

Был уже час одиннадцатый, огней у Сивкова не видно, должно быть все спать полегли. Аграфена Петровна решила переночевать в той же гостинице, где останавливалась накануне. Однако ж ей не терпелось. Поглядывая из-за своих запотелых и дождем закрапленных окон, она то и дело посматривала на дом Сивкова. Ни единого огонька, но вот растворилась вделанная в широкие ворота узенькая калитка, и лениво вышел из нее дворник, закутанный в дубленый полушубок, с лицом, наглухо обвязанным платком. Вышел он на улицу, снял шапку, трижды перекрестился на церковь, что стояла середь базарной площади, и, широко, во весь рот зевнувши, уселся на приворотной скамейке. Видит это Аграфена Петровна, и вдруг захотелось ей узнать, тут ли Дуня, или уж уехала.

Не надеясь на глухую и разоспавшуюся Степановну, быстро накинула она на себя шубейку и, выйдя с постоялого двора торопливым шагом, перебежала улицу по булыжной мостовой, покрытой сплошь черной, как смоль, липкой, невылазной грязью.

- Послушай, голубчик,- сказала она, подойдя к дворнику.- Это дом Сивкова?

- Поликарпа Андреича Сивкова - так точно,- хриплым голосом, сквозь зубы промычал дворник, не вставая со скамьи и поворачиваясь спиной к северу, откуда валил студеным порывистый ветер.

- Послушай, голубчик, я проезжая, часу нет, как пристала на этом постоялом дворе,- начала Аграфена Петровна.

- Понимаем. Это нам можно понимать,- недовольным голосом промолвил дворник.

- Мне бы надо было знать о девушке, третьего дня никак приехавшей со священником, отцом Прохором,- проговорила Аграфена Петровна.

- Не наше дело,- сказал дворник и махнул рукой: убирайся, мол, подобру-поздорову.

- В окошках не видно свету, надо думать, что спать полегли, а то бы я прямо к Поликарпу Андреичу пошла,- сказала Аграфена Петровна. Дворник не дал ответа.

- Послушай, голубчик,- сказала Аграфена Петровна, вынимая зелененькую. Праздники подходят, скоро будет мала пречиста (Рождество богородицы, 8-го сентября.). Возьми на этот праздник.

Дворник взял бумажку и, несмотря на дождь и на крепкий ветер, подошел к